

Ань Но сидел в полумраке комнаты. Все те многочисленные нити, которые он так долго и кропотливо сплетал в единую сеть, наконец-то сошлись в одной точке. Этот вечер должен был стать временем триумфальной радости и гордости за успех, но в то же время — временем осторожности и ледящего страха перед бездной, по краю которой он шел. Однако Ань Но с горечью осознал: он не чувствовал ни радости, ни страха. Его душу выжигала тревога.

«Бай Ичэнь, как ты там?»

Он резко поднялся и, направляясь к ванной, на ходу сорвал с себя одежду, словно эти лоскуты ткани были сковывающими его кандалами. Тусклый свет из прихожей падал на его спину, очерчивая глубокую тень вдоль прямого позвоночника. Мышцы перекачивались под кожей, подергиваясь от напряжения, а из каждой поры выступал мелкий, холодный пот. Напряжение всей ночи лишь сейчас начало отпускать его, и рассудок Ань Но медленно погружался в вязкую мглу.

Он встал под душ. Холодная плитка под ногами казалась поверхностью замерзшего глубокого пруда, а сам этот бездонный омут был глазами Бай Ичэня. Ань Но не смел опустить взгляд. Он уставился в белоснежную стену, но видел на кафеле лишь улыбку парня, его капризы, его ярость и боль... Бай Ичэнь был повсюду.

Ань Но до упора повернул кран. Ледяные струи обрушились на плечи, но они не могли потушить пожар в его груди.

«У него все еще жар? Плачет ли он? Вспомнит ли Сяо И дать ему попить? Принял ли он лекарство в три часа? Поменяли ли ему капельницу? Голоден ли он?..»

Силы внезапно покинули Ань Но. Он привалился к холодной стене и медленно сполз вниз, пока не оказался на полу. Обхватив колени руками, он зарылся в них лицом.

«Бай Ичэнь, — думал он, — за что же я тебя полюбил?»

В свои двадцать пять лет Ань Но был высоким, красивым и происходил из хорошей семьи. В школе он никогда не выпадал из первой двадчатки лучших учеников, а на баскетбольной площадке за ним бегала половина девчонок с параллели. В университете он вопреки всему решил поступать в полицейскую академию. Стоило ему надеть строгую форму, как это сочетание сдержанной сексуальности и спокойной уверенности сделало его главным претендентом на звание первого красавца курса. Такой человек просто не мог не привлекать внимания. Женщины вокруг него были всегда: яркие и нежные, деловые и капризные. Ань Но с интересом вступал в отношения, порой искренне увлекаясь, но проходило максимум полгода, и он начинал замечать в избраннице изъяны. Любовь рассеивалась как дым, не оставляя следа.

Его друг Цинь Сяо, вечный холостяк, как-то в сердцах потребовал выдать «секрет обольщения».

На что Ань Но с горькой иронией ответил:

— Черт возьми! Я столько раз терял невинность, но так и не нашел истинной любви. Знал бы ты, как мне паршиво!

За тот ответ Цинь Сяо его чуть не прибил.

Пережив десятки «расставаний», Ань Но начал думать, что никогда не женится. Он просто не понимал, что ему нужно. Нежные казались ему слишком слабыми, сильные — лишенными женственности. Те, что блистали в свете, внушали опасение, а те, кто был готов к тихой и скромной жизни, нагоняли скуку своей пресностью.

Одна из его бывших подруг, помешанная на астрологии, как-то заявила: «Ань Но, ты истинная Дева. Твоя придиричивость граничит с безумием!»

И он был с ней полностью согласен.

Цинь Сяо допытывался, кого же он ищет, но Ань Но не знал ответа. Ему нравились многие, но, к сожалению, симпатия — это не любовь. Никто не вызывал в его душе того трепета, от которого содрогается само естество. Лишь став оперативником и несколько раз заглянув смерти в лицо, он внезапно осознал: никакая страсть и романтика не сравнятся с возможностью просто обнимать любимого человека в теплом и безопасном доме. Смотреть какую-нибудь глупую мыльную оперу, пить колу и обмениваться поцелуями — пусть без капли похоти, но согретыми до самой глубины души.

Расставшись с последней пассией, он окончательно понял: ни одна женщина не примет такую жизнь. Бесконечное ожидание, готовность потерять его в любую минуту, мужество встречать смерть, которая может настигнуть его в любой миг...

Но тут появился Бай Ичэнь.

Этот юноша ворвался в его жизнь внезапно. Каждый раз, когда он оказывался перед Ань Но, он предстал в новом свете, словно узор в калейдоскопе. У входа в бар он был дерзким и вызывающим; в темном переулке — хитрым и изворотливым; в комнате отдыха — ранимым; в камере допросов — отважным. У дверей участка он казался слабым, но жизнерадостным, в маленьком магазинчике — упрямым, а в больнице — изможденным, но невероятно стойким.

Как было не влюбиться?

Бай Ичэнь воплощал в себе все те мечты и надежды, которые Ань Но питал к идеальному спутнику жизни. Он верил: если бы они любили друг друга, Ичэнь смог бы с улыбкой запечатлеть поцелуй на его надгробии и сказать: «Старший брат Ань, я проживу эту жизнь за тебя». Он смог бы принять его смерть так же спокойно, как и свою собственную.

Ань Но накрыл лицо мокрым полотенцем, позволяя ледяной воде пропитать его до костей,

усмиряя и тело, и разум.

Спустя два часа он стоял у ворот больницы. Теперь на душе у него было спокойно, как в тихой заводи.

Любовь бывает разной: братской или романтической. Ань Но не мог перестать любить Бай Ичэня, но он мог выбрать, как именно его любить. С этого момента Ичэнь станет для него самым близким братом. На всю жизнь.

Купив в лавке горячую кашу, Ань Но не стал дожидаться лифта и пешком поднялся на шестой этаж. С каждым шагом по лестнице он умирал свои чувства, пряча их глубоко внутрь. Он размышлял о том, как должны выглядеть идеальные отношения между братьями. Каким должен быть хороший старший брат? Наверное, он может отругать или даже дать подзатыльник, но если кто-то чужой посмеет обидеть младшего, он первым бросится в драку. Хороший брат ворчит, что младший совсем о себе не заботится, но при этом сам приносит чай и ухаживает за ним до полного выздоровления...

Ань Но прикинул вес термоса в руке. Куриная каша с рисом — Ичэню должна понравиться.

Уже начало светать. В процедурном кабинете было почти пусто. Койка Бай Ичэня все еще была отгорожена ширмой. Стоя за занавеской, Ань Но услышал насмешливый голос Сяо И:

— Сяо Бай, ты что, под дождем гулял? Романтика, значит? Приключений на пятую точку искал?

— Отвали! В следующий раз сам попробуй, — огрызнулся Ичэнь.

Сяо И хмыкнул:

— Ну уж нет, я не по этой части. Это твой брат Ань вчера, небось, нашел себе приключение.

— О-о... — голос Бай Ичэня тут же поник.

— Ты даже не представляешь. Время — два часа ночи, а он выдергивает меня из постели, чтобы я с тобой посидел. Спрашиваю его: «Ты куда это собрался?», а он: «У меня срочное дело, опаздываю на встречу». — В голосе Сяо И слышалась явная усмешка. — Вот скажи мне, Сяо Бай, с кем это можно встречаться в такую глухую полночь? Не с мужиком же. Наверняка нырнул в чьи-то нежные объятия!

Ань Но сжал термос. Ему захотелось запустить им прямо сквозь ширму в силуэт этого болтуна.

В этот момент раздался тихий, хриплый голос Бай Ичэня:

— Это нормально. У брата Аня должна быть девушка.

— Ха! Он еще обещал в восемь утра меня сменить. Попомни мое слово, если он к десяти из постели выберется — уже хорошо, — в голосе Сяо И проскользнула нотка зависти.

Бай Ичэнь негромко рассмеялся. Его смех был сухим и надтреснутым. Ань Но в ярости подумал: «Чертов Сяо И, я же велел тебе поить его водой! Неужели так трудно запомнить?!»

— Брат Сяо, не будь наивным, — продолжал Бай Ичэнь. — Если брат Ань сказал «в восемь», это не значит, что он придет ровно в восемь. У свиданий нет четкого расписания, задержаться — обычное дело. А может, он специально явится только к обеду. Хочет проверить тебя: выполнишь ли ты его поручение до конца или сбежишь при первой возможности.

...

Словно гром грянул над головой Ань Но. В ушах зазвенело. Он замер, пораженный этой внезапной догадкой.

Озарение!

«Бай Ичэнь, ты моя путеводная звезда!»

Ань Но бросил долгий взгляд на ширму, словно пытаясь увидеть сквозь нее лицо Ичэня — этого пронзительного, удивительного мальчишки, который уже не в первый раз спасал его в самый критический момент.

«Глупый Сяо Бай, ты, кажется, снова сохранил мне жизнь», — прошептал Ань Но про себя и, развернувшись, стремительно вышел.

Хань Цзыфэй прекрасно знал, что лежащий в шкафчике спортзала 80-литровый рюкзак забит до отказа. В нем было сорок герметичных пакетов с белым порошком. Но если бы кто-то вскрыл один из них и попробовал содержимое, то обнаружил бы, что это сухое молоко весьма приличного качества.

Да, именно сухое молоко.

Сегодня в девять тридцать утра человек в бейсболке откроет этот шкафчик, заберет рюкзак и направится к вокзалу. По дороге он сделает так, чтобы «груз» внутри рюкзака невзначай мелькнул перед глазами возможных наблюдателей. Затем он сядет на поезд в двенадцать пятьдесят пять и отправится напрямик в Чанцзинь. Именно в Чанцзинь, а не в Гуансин!

Чанцзинь находится менее чем в двухстах километрах от столицы — Наньяна. Всего час с небольшим по скоростной трассе. Полиция ни при каких обстоятельствах не допустит, чтобы эти сорок пакетов попали в Наньян. Даже если ради этого придется пожертвовать жизнью офицера, отличного оперативника и успешного внедренного агента!

В тот момент, когда эти сорок пять пакетов сухого молока будут изъяты, Ань Но исчезнет с лица земли. Однако если груз благополучно прибудет в Наньян и разойдется по нужным каналам, Хань Цзыфэй получит «идеального» подчиненного. О таком он мог только мечтать.

Хань Цзыфэй сидел у барной стойки в «Пылающем искушении», потягивая коктейль «Влюбленность», который приготовил для него Чжэн Жуй. Смартфон лежал под рукой. В десять часов должно прийти сообщение: забрали ли груз. В час дня — второе: находятся ли человек и рюкзак в безопасности в вагоне отправившегося поезда. В три часа ночи следующего дня — отчет о прибытии в Чанцзинь. И наконец, в три часа дня — финальное подтверждение: удалось ли реализовать «товар».

Только тогда он поймет, станет ли Ань Но его человеком.

А пока он мог расслабиться в компании Чжэн Жуя, уделить ему внимание... или навестить того приболевшего мальчишку. Раз уж Ань Но так за него печется.

Ань Но вылетел из процедурного кабинета и бросился к пожарной лестнице. На бегу он набирал номер Мо Ханя.

Начальник Мо едва успел прилечь, когда телефон настойчиво зазвонил. Увидев имя Ань Но на экране, он почувствовал укол тревоги.

— Начальник Мо, я думаю, этот шкафчик в спортзале — просто обманка!

— Ты уверен?

— Да... я уверен, — Ань Но лишь на мгновение замялся, но тут же подтвердил свои слова.

— Почему ты так решил?

— Лю Бо и Хань Цзыфэй крайне осторожны. Выбрасывать товар так рано — слишком рискованно. И еще: сегодня ночью он слишком легко соглашался с моими доводами, словно сам подталкивал меня к нужным выводам. Я думаю, это ловушка. Уверен, даже если бы я сказал, что груз спрятан в общественном туалете, его люди подложили бы сумку именно туда.

— Ань Но, это всего лишь твои догадки. Ты понимаешь, какую ответственность берешь на себя? Если из-за нашего бездействия товар попадет на улицы, последствия будут катастрофическими.

Ань Но помолчал несколько секунд, но затем твердо повторил:

— Я уверен.

Это было чутье опытного следователя. Он привык доверять своей интуиции.

Мо Хань немного подумал и ответил:

— Хорошо. Я сам этим займусь, ты не вмешивайся.

— А как же Цинь Сяо?..

— Я все устрою с Цинь Сяо. А ты сейчас сведи контакты с нами к минимуму. Хань Цзыфэй тебя проверяет, будь предельно осторожен.

Повесив трубку, Ань Но прислонился к стене и с облегчением выдохнул. В голове снова пронеслись слова Бай Ичэня: «Он специально... может так проверять тебя».

Да, Хань Цзыфэй намеренно организовал эту раннюю поставку, чтобы устроить ему проверку.

Теперь Ань Но наконец понял, откуда бралось то гнетущее чувство неправильности, которое преследовало его с самой прошлой ночи.

<http://bllate.org/book/18167/1751767>